

МЕТОДОЛОГИЯ

И.Т. КАСАВИН

Социальные технологии. Теоретические концептуализации и примеры

Понятие “социальные технологии”, используемое в науке не чаще, чем в публицистике, еще не достигло теоретической зрелости. Это связано с общим состоянием социально-гуманитарных наук, на основе которых пока не возникли науки социотехнические, а также с рядом общественно-политических обстоятельств. Социальные технологии – проблема, разработка которой требует эмпирического междисциплинарного синтеза, с одной стороны, и собственно теоретических концептуализаций – с другой. В статье предлагается рабочая дефиниция, ряд теоретических положений, типологий и примеров разработки и использования социальных технологий, что в совокупности является шагом в построении их синтетической теории.

Ключевые слова: социальные технологии, социальные практики, социальный эксперимент.

The concept of “social technology”, as used in science no more frequently than in journalism, has not yet reached any theoretical maturity. This is due to a general state of social and human sciences, which have not yet given rise to social engineering science and thanks to a number of socio-political circumstances. Social technologies is a problem which requires empirical interdisciplinary synthesis, on the one hand, and new theoretical conceptualizations, on the other. The article proposes a working definition, a number of theoretical statements and typologies as well as examples of the development and use of social technologies, altogether providing a step in the construction of the synthetic theory.

Keywords: social technologies, social practices, social experiment.

Идея социальных технологий (СТ) опирается на фундаментальные труды классиков мировой философии и гуманитарной мысли вообще. Это социально-философские работы К. Поппера [Popper, 1994], в которых он подверг критике историцизм и тоталитаризм и развил концепцию постепенной социальной инженерии. М. Фуко описывал технологии власти, секса и знания [Фуко, 1996], не всегда придерживаясь концептуальной строгости. Примерно в то же время работали О. Хелмер – автор концепции СТ [Helmer, Brown, Gordon, 1966] и Г. Щедровицкий, выдвинувший системомыслительный подход и практику организационно-деятельностных игр [Щедровицкий, 2005; 2000]. Помимо этого, ряд значимых теоретических положений из области психологии развития, социологии труда и управления, лингвистики дискурса, менеджмента

К а с а в и н Илья Теодорович – доктор философских наук, член-корреспондент РАН, заведующий сектором социальной эпистемологии Института философии РАН, главный редактор журнала “Эпистемология и философия науки”.

также вносят вклад в современную концептуализацию СТ¹. Среди последних особенно резонансных работ американских авторов выделяется книга с интригующим названием “Донная волна”, предметом которой являются СТ коммуникации, используемые в бизнесе [Li, Bernoff, 2008].

Я исхожу из *рабочей дефиниции социальных технологий (СТ)* как коммуникационно-деятельностной формы проявления социального субъекта на уровне организационной, управленческой и социально-проектировочной деятельности, в аспекте социального конструирования знания и реальности, основанного на социальных и гуманитарных науках.

СТ рассматривается как интегральное понятие человеческой активности, континуум которой задается полюсами: “формируемое–стихийное”, “труд–рекреация”, “профессиональное–дилетантское”, то есть исторические формы СТ охватывают и профессиональную *деятельность управления социальными процессами, группами и отдельными индивидами, и стихийную активность дилетантов в рамках свободного времени.*

Субъект СТ: социальный институт – личность

Общество представляет собой совокупность естественных ассоциаций людей (классов, наций, конфессий, сословий), искусственных образований (социальных институтов) и множества отдельных личностей. При этом различие естественного и искусственного не имеет абсолютного характера. Церкви, секты, профессии, кланы, сословия возникают и исчезают в ходе истории как стихийно, так и вполне целенаправленно. Однако применительно к СТ это различие оправданно, поскольку только в случае социальных институтов и отдельных личностей можно говорить о целенаправленной деятельности. Поэтому имеет смысл говорить о двух видах СТ, которые образуются в рамках социальных институтов (организационные технологии) и в виде практик отдельной личности (креативные технологии). Если технологии менеджмента (в широком смысле) достаточно хорошо известны применительно к политическим, экономическим, научным, религиозным и культурным институтам, то квалификация “креативных технологий” как специфических СТ еще не вошла в научный оборот, хотя для этого есть немало оснований.

Например, деятельность выдающихся писателей (масштаба В. Шекспира, И.В. Гете или Л. Толстого), создающих канонические тексты, не только закладывает основы литературного языка, но и канализирует определенные общественные настроения, формирует мировоззрение и тем самым побуждает других людей к определенной деятельности. Иначе говоря, практикуемая отдельным человеком СТ может превратить его в целый социальный институт. Такие возможности отдельной личности продемонстрировали Э. Золя применительно к делу А. Дрейфуса; Б. Рассел и А. Эйнштейн в борьбе против атомной бомбы; Р. Нейдер в защите прав американских потребителей против Дженерал Моторс и Майкрософт; А. Навальный в своих критических выступлениях против Транснефти, ВТБ и пр.

Когнитивная база СТ: наука – внеаучное знание

Различие профессиональных, целенаправленных и стихийно формирующихся СТ весьма важно, хотя и не имеет абсолютного значения, поскольку отличие социальной деятельности вообще от деятельности на основе СТ исторически обусловлено. Выемка грунта с помощью кирки и лопаты еще в прошлом веке могла считаться технологией, но сегодня таковой является только использование специальных машин (экскаватора,

¹ Библиография по теме СТ достаточно обширна и включает отечественные исследования, например, [Иконникова, 1984; Антонюк, 1978; Подмарков, 1989], переводы [Маркович, 1988; Стефанов, 1976; Основы... 1992; Иванов, Патрушев, 1999] и зарубежные труды [Ансофф, 1989; Мескон, Альберт, Хедоури, 1992; Монден, 1989; Чавес, Кулей, 1992].

бульдозера, траншеекопателя и пр.). Аналогично особенность современных СТ состоит в том, что они, как правило, развиваются на основе использования методов и результатов социально-гуманитарных наук. Однако науки данного типа еще не достигли той степени зрелости, которая характеризует точные и естественные науки. Поэтому в формировании когнитивной базы СТ продолжается конкуренция научных и вненаучных типов знания (мифа, магии, религии, ценностного сознания, искусства, повседневного опыта). В некотором смысле СТ вытекают из самой природы человека: его психосоматики, языка, когнитивных способностей, знания, убеждения, привычек и традиций.

Сегодня нет ясности в том, может ли данная конкуренция науки и вненаучного знания вообще когда-либо разрешиться окончательной победой первой из них. Книгопечатание, возникнув свыше пяти столетий тому назад как синтез технических знаний, естественных и гуманитарных наук, по-прежнему остается одной из мощнейших СТ. Сознвая это обстоятельство, В. Ульянов (Ленин) все же недаром в свое время заявил, что важнейшим из всех искусств для большевиков является кино. Речь шла не об эстетических достоинствах кинематографа, а о его способности (до сих пор почти непревзойденной) влиять на массовое сознание. Формируемый с помощью СМИ образ политика (“харизма”) – типичный пример использования мифо-магических политтехнологий. Технологизацию (рационализацию) ценностного сознания представляет собой такой вид СТ, как социогуманитарная экспертиза.

Характер воздействия СТ: применение методов – применение результатов

Современная профессиональная деятельность в рамках СТ связана с социальными науками: психотерапевтическая помощь, социологические опросы, судебный процесс, практики языкового перевода, консультирования, менеджмента. Нередко главным заказчиком СТ выступает государство, чему есть определенные исторические причины.

Еще Платон провозгласил идеал общественного устройства как “правление мудрых” и описал, каким образом знание “философами” биологической и социальной природы человека могло бы лечь в основу рационального способа социального управления. Об уме правителя первым делом судят по тому, каких людей он к себе приближает, утверждал Н. Макиавелли, имея в виду необходимую ученость советников. Во времена СССР строительство коммунизма декларировалось как практическое приложение марксистско-ленинской социальной науки – главной научной парадигмы. В современном государстве при подготовке и принятии политических решений, законодательных актов также широко используются результаты работы научно-исследовательских учреждений.

В данном случае речь идет о том, что современная рациональная организация совместного социального действия должна с необходимостью учитывать знания, вырабатываемые социально-гуманитарными науками. Организационное действие по определению коммуникативно, поскольку призвано обеспечить соразмерность интересов, дискурсов и картин мира вовлеченных субъектов, если их общение имеет добровольную основу. Рациональность действия в данном случае выражает то, что оно не стихийно, базируется на знании и достижении баланса между проективностью и контекстуальностью. Способ использования знания в рамках СТ – коммуникативный дискурс, в котором участвуют специалисты-теоретики и специалисты-практики, а также представители широких групп населения, заинтересованных в результатах данных СТ.

К примеру, на разных стадиях развертывания электоральных СТ рабочая группа должна варьировать процент теоретиков, аналитиков, исследователей, с одной стороны, и социальных проектировщиков, менеджеров, практиков – с другой. Вероятно, количество специалистов первого типа преобладает в начальном периоде организации выборов, снижается к моменту голосования и вновь возрастает на этапе подведения итогов, их анализа, разъяснения и легитимации. Соответственно, происходит дрейф от

фундаментальных исследований при обосновании самой цели выборов к прикладным исследованиям при проектировании конкретной электоральной технологии и далее к практическим разработкам по мере приближения даты выборов, чтобы дискурс вновь приобрел черты научного анализа к моменту вступления в должность новых народных избранников.

Социально-гуманитарные науки могут осуществлять социотехнологическое воздействие на социум в целом и на отдельных индивидов также благодаря практикуемым ими методам исследования. Исследовательские интервью, анкетирование или методы фокус-группы служат не только получению социологического знания, но оказывают существенное воздействие на осознание респондентом социальной ситуации. Методы психотерапии не только позволяют исследовать особенности психопатологии личностных расстройств, но и целенаправленно влиять на психическое состояние пациента. Этнографические исследования примитивных племен вносят существенные изменения в способы мышления аборигенов, представляя собой “мягкую” технологию приобщения к цивилизации. Экспедиции фольклористов не только дают информацию о народной культуре, но и способствуют активизации народного творчества. Вот некоторые примеры тех болевых точек, где использование СТ, с одной стороны, идет полным ходом, а с другой – нередко оставляет желать лучшего.

1. Государственный сектор (права человека и государственные институты): “Громкие дела” и роль в них СТ (дело М. Ходорковского, реформа милиции, реформа РАН, электронное правительство).

2. Частный сектор (деятельность частных компаний, менеджмент): банковский бизнес и банковское право; открытость Газпрома; проект “Сколково”, АЭС Фокусима.

3. СТ и современная СМИ-фология “общества знания” (нано-, био- и когнитивные технологии и их пропагандисты – М. Ковальчук, К. Скрябин и др.).

4. СТ как личностная реализация: уже упоминавшиеся Золя, Нейдер и Навальный.

Мне представляется, что эмпирическую базу философского анализа СТ должны представлять результаты социологических, психологических, этнографических и лингвистических исследований видов взаимодействия социальных и индивидуальных субъектов в контексте соответствующих социальных институтов и более широкого окружения. На этой основе будет создана возможность рассмотрения интегральных типов СТ. Это, во-первых, аналитические СТ, обеспечивающие понимание и оценку социальной реальности: “консультирование”, “экспертиза”. Во-вторых, речь может идти о гомеостатических СТ, поддерживающих социальную стабильность: “мониторинг”, “менеджмент”. И наконец в-третьих, хотя и не в последнюю очередь, генеративные СТ, порождающие новую социальную реальность: “обучение”, “социальное проектирование”, “социальное конструирование”. Есть основания полагать, что введенные тем самым различия могут с достаточной полнотой задавать перечень релевантных фактов и ситуаций для эмпирического исследования СТ.

Условия технологизации деятельности

СТ, как и технология любого вида, призвана перевести деятельность в регулярную форму, то есть ее задача – обеспечение максимального совпадения цели, средств и результата, причем при минимальной затрате сил и средств. Главные условия технологизации деятельности – ряд ограничений. Во-первых, речь идет о внешнем (экологическом) ограничении деятельности (А), или пространственно-временной локализации: она должна разворачиваться в минимально-необходимом наборе локусов и в течение минимального времени. Во-вторых, необходимо внутреннее ограничение, или стандартизация деятельности (В), которая состоит в снижении ее структурного разнообразия, минимизации инструментов и приемов их использования для достижения минимального набора задач. Поскольку же само выполнение этих двух условий всегда наталкивается на естественные ограничения, то, в-третьих, технологизация невозможна

можно без приведения деятельности в композиционную форму (С), которая позволяет провести линию демаркации между технологизируемыми и нетехнологизируемыми процессами.

По мере исторического развития техники эти ограничения вели к специализации труда сначала по задачам, затем по используемым инструментам и, наконец, по способам работы с инструментами. Еще в первобытную эпоху благодаря этому выделялись целые деревни резчиков по дереву и кости, оружейных мастеров, ткачей, гончаров, кузнецов, производителей различной сельскохозяйственной продукции. В средние века специализация породила уже интегральную цеховую структуру производства, торговли и услуг. В это время была достигнута граница *индивидуальной* технологизации труда: срок ученичества, постоянно удлиняясь, фактически тормозил появление новых мастеров и, как следствие, развитие технологии. В изготовлении таких высокофункциональных и качественно определенных предметов, как оружие, музыкальные инструменты или часы, процесс специализации вел даже к детехнологизации труда, то есть к увеличению доли индивидуального и далее нередуцируемого вклада мастера в конечный продукт. Максимальное выполнение первого технологического ограничения А (пространственно-временной локализации) имело своим следствием невыполнимость второго (В) и третьего ограничения (С). Оказывалось практически невозможно снизить структурное разнообразие деятельности и различить те ее фрагменты, которые можно описать в языке и вообще транслировать другому для дальнейшей практики, и то, что неотъемлемо от субъекта “*ноу-хау*”. Качество конечного продукта перестало расти, а цена постоянно увеличивалась. “Технология умирает в мастере” – так можно охарактеризовать итог цехового периода эволюции техники, в котором еще не состоялось рождение технологии как таковой.

Выход из тупика дало развитие нововременного естествознания, в котором главная роль отводилась опыту. В нем реализовывались все три указанных ограничения при постепенном отказе от первого (А) и все более жестком соблюдении второго и третьего (В и С). *Из естественной истории – демонстрации удивительных феноменов природы – опыт превращался в эксперимент, то есть доказательство неизменности ее законов.* Воспроизводимость результатов в любой точке земного пространства и в любое время при сохранении основных условий стало базовым принципом эксперимента. Именно ориентация на экспериментальную установку как модель деятельности и лабораторию как модель ее условий предопределила переход к ручному мануфактурному и затем к машинному производству, в которых приоритет был отдан второму (В) и третьему ограничению (С). При этом минимизировался набор инструментов и навыков их использования (операций), а за счет отказа от производства наиболее сложных товаров нередуцируемый остаток субъективного мастерства утрачивал свою позитивную роль в достижениях высокого качества продукта. Как раз тогда произошло преобразование производственной практики в технологию, основанную вначале только на структуре, а затем и на содержании научного знания.

В дальнейшем развитие техники как приложения естественных наук привело к резкому росту массового функционального качества даже той продукции, которая долгое время считалась эксклюзивной, – тех же скрипок или часов, а субъективное мастерство осталось условием эксклюзива, но уже на уровне декоративного оформления. Многочисленные примеры тому дает история оружейного дела в XVIII–XIX вв. В наши дни корпус часов *Cartier* выполнен из золота и бриллиантов, но кварцевый механизм обеспечивает отнюдь не большую точность, чем у тех же *Omega* или *Tissot*.

Экскурс в область естественно-научных практик и технологий может быть полезен при анализе значительно менее изученного объекта – технологий социальных. Полагаю, что к СТ также должны быть применимы указанные три ограничения (А, В и С). Отсюда следует и еще одно допущение: структура социального эксперимента в закрытой социальной системе может служить моделью СТ, а результаты социально-гуманитарных наук позволяют дать конкретную интерпретацию элементам такой модели. Поскольку же системы могут рассматриваться как закрытые только при опре-

деленных допущениях, то в технологиях вообще и в СТ в частности ведущую роль играет знание, на котором они строятся. Закрытость, или локализация системы, сами суть допущения, функция концептуального аппарата, то есть продукт нашего знания. Если это знание приобретает стихийно, то возникающую на его основе деятельность я буду называть “социальной практикой”, а если оно формируется на основе науки, то “социальной технологией”.

Если не учитывать это ограничение, то возникает соблазн зачислить в разряд СТ танцы дождя, Святое причастие, кровную месть, барщину с оброком, коррупцию, благотворительность, концерт поп-музыки, пытки и казни. Эти и ряд других распространенных социальных практик по форме напоминают СТ, поскольку оказывают эффективное воздействие на людей, программируют их сознание и деятельность. В чем же несовершенство подобных социальных практик, требующее их замены СТ?

Нужно оговориться с самого начала, что такая постановка вопроса чересчур наивна. Ни в одном обществе невозможно исключить из оборота все исторически сложившиеся стихийные способы деятельности и коммуникации, а формирование сознания, несмотря на все усилия специалистов, происходит в основном спонтанно и плохо поддается регуляции в своих основных параметрах. Достаточно несколько месяцев поддержать человека на необитаемом острове, в тюрьме, на подводной лодке, чтобы с него слетела вся внешняя шелуха идеологии и рекламы и проявились его базовые способности, знания и навыки, восприимчивость к некоторым традиционным и неустранимым из практики способам социальной регуляции. Поэтому можно говорить лишь о том, что СТ призваны дополнить, а не заменить собой традиции общественной жизни. На каком же основании возникает вопрос об их дополнении?

От социальной практики – к СТ

Прежде всего этот вопрос обусловлен тем способом рациональности, который характеризует современную культуру. Это в основном научная рациональность, производная от системы образования, деятельности экспертов и разнообразных технологий производства товаров и услуг. Сегодня наука в той или иной форме программирует и тиражирует все расширяющийся набор социальных артефактов, и в этом одна из ключевых особенностей нашего времени. Естественно ожидать, что способы воспроизводства и изменения социальной реальности также должны впитывать достижения соответствующих наук, а именно тех, которые занимаются ее исследованием и углубляют ее понимание. Ручной сбор чая отличается от уборки урожая специализированным чайным комбайном; в первом случае имеет место вид традиционной производственной практики, во втором – использование особой технологии. Аналогично экономическая реформа в масштабах страны или маркетинговая стратегия фирмы все в меньшей мере базируются на интуитивных и спонтанных решениях. Социальные практики обнаруживают тенденцию трансформироваться в СТ. В этих случаях заинтересованные субъекты, из каких бы целей или интересов они ни исходили, стремятся задействовать наличный потенциал научного знания, производимый соответствующими исследовательскими и аналитическими центрами.

Для принятия социально значимого решения нужны не просто советы опытных специалистов, опирающиеся на их сколь угодно эффективное неявное знание. Среди политиков, предпринимателей и людей в сфере их повседневности все шире распространяется убеждение о необходимости использования явным образом артикулированных научных результатов и методов для решения стоящих перед ними проблем. Социологи, психологи, лингвисты, политологи, культурологи, религиоведы и прочие гуманитарии (включая философов!) привлекаются к обсуждению едва ли не всех социальных коллизий и ситуаций, требующих нестандартного разрешения. Менеджеры во всех областях деятельности обязаны задействовать полученные ими фрагменты социально-гуманитарных знаний, чтобы квалифицированно обосновывать, контролировать и оценивать свои решения. Политтехнолог, организующий выборы; психотерапевт, по-

могающий невротик; блогер, создающий социальную сеть; министр, планирующий реформу своего ведомства, – все они все чаще опираются не просто на свой личный опыт или мнения экспертов, но на конкретные научные исследования. Случайно ли, в угоду просто времени или в силу причин более глубоких социально-гуманитарные науки становятся востребованы все чаще? Какого рода знание обнаруживает потенциал социального использования?

Прикладное социальное знание

Использование науки применительно к общественным ситуациям и проблемам, конечно же, не случайно. Достаточно вспомнить, как возникали такие науки, как позитивная социология О. Конта или эмпирическая психология В. Вундта. В обоих случаях они были призваны удовлетворить социальный заказ в условиях секуляризации общественной жизни. Поскольку потенциал религии в деле трансформации общества и отдельного индивида демонстрировал неэффективность, нужно было находить иные средства, основанные на научном исследовании соответствующих объектов. Однако вопрос о технологиях особого рода, аналогичных естественно-научным технологиям, еще не ставился. Важность различия фундаментального и прикладного знания о человеке и обществе не была осознана в должной мере. В частности, не учитывались те ограничения А, В и С, о которых речь шла выше. Предполагалось также, что между научным знанием и его практическим применением нет никакого промежуточного звена, то есть не придавалось никакого значения социальному эксперименту. Аналогично не осознавалась невозможность совершенно закрытой социальной системы и, соответственно, неизбежная включенность социального действия в контекст социального окружения.

Сегодня общепризнано, что социальные проекты обусловлены чрезвычайно большим количеством факторов, учет и/или элиминация которых весьма затруднительна. Более того, идея технологической реализации масштабного социального проекта в фиксированные сроки выглядит просто парадоксально. В первые месяцы 1941 г. удалось осуществить глобальную эвакуацию производства в глубь страны, но людьми управляли страх, стресс и чувство долга, а не технологии. И напротив, в демократическом обществе и в мирное время нереально, к примеру, технологизировать реформу образования в масштабе страны без того, чтобы учесть специфику каждого учебного заведения. Так же невозможно превратить в технологию индивидуальное искусство учителя: лишь отдельные элементы его поддаются объективному описанию и включению в методички.

Поэтому знание, непосредственно лежащее в основе СТ, всегда локально. Здесь нужны уже не абстрактные теории, а результаты конкретно-эмпирического исследования. Типичный пример такого рода знания – ситуационный анализ (*case study*) как форма прикладного исследования². Уже на уровне *case study*, описывающего лабораторную или полевую ситуацию, мы имеем дело с социальным экспериментом особого рода, хотя оно не связано с целенаправленным изменением наблюдаемой ситуации (побочные изменения могут быть, впрочем, не менее значимы). Социальный же эксперимент в точном смысле предполагает внесение изменений в сложившиеся отношения; контроль за влиянием изменений на деятельность и поведение личности

² Обычно различают текстуальный (литературный) и полевой ситуационный анализ. В первом случае можно говорить о теоретическом прикладном исследовании, которое при всей множественности интерпретаций всякого достаточно богатого текста все-таки имеет дело с таким культурным артефактом, который относительно неизменен во времени и манипуляции (чтение) с которым можно повторять сколь угодно долго. Во втором случае налицо постоянная возможность изменения параметров ситуации, поскольку наряду с текстами (как писаными, так и символическими) в нее вовлечены сознательные субъекты в ходе деятельности и коммуникации в условиях открытого окружения. Одновременно для полевого *case study* характерна практическая вовлеченность исследователя в социальные процессы. При этом он имеет возможность не только пассивно наблюдать, но и организовывать процесс наблюдения, создавая ситуации деятельности и коммуникации с заранее заданными свойствами.

и социальных групп; анализ и оценку результатов этого влияния [Гласс, Стэнли, 1976, гл. 15–19; Готтсданкер, 1982; Девятко, 1998, с. 57–75; Дружинин, 1977; Стародубцев, 1992; Ядов, 1987, гл. 5]. Это – эмпирическое исследование, существенно отличающееся от естественно-научного эксперимента рядом параметров.

Во-первых, стены всякой социальной лаборатории прозрачны и подвижны, они не обеспечивают изоляции от окружения, поскольку социальные субъекты несут в себе прежний опыт и специфическую культуру. Нередко такие эксперименты даже предназначены для демонстрации и тиражирования (именно так следует оценивать телевизионные программы типа “Дом-2”). Если взять иные примеры, то предвыборные теледебаты призваны не столько выявить особенности политических программ, сколько убедить голосовать за ту или иную партию.

Во-вторых, планирование и предсказание результатов эксперимента сильно ограничены тем, что субъект – инициатор этих методологических процедур – является также объектом целенаправленных действий других социальных субъектов, также включенных в данную ситуацию. К результатам социального наблюдения, прогнозирования и экспериментирования в полной мере оказывается применим принцип дополнительности Н. Бора. Исследователь не может одновременно фиксировать внимание и на описываемом объекте как отличном от других (самом по себе), и на объекте, связанном с иными объектами (то есть на условиях его существования). Описывать “объект сам по себе” можно только при условии его изоляции от контекста, а такая изоляция уже изменяет свойства объекта. Это же относится к описанию объекта с точки зрения воздействия на него условий существования: отсюда будет следовать совершенно иная картина. Поведение человека в обществе и на необитаемом острове будет существенно разным даже в аналогичных ситуациях.

В-третьих, набор подлежащих учету факторов, обуславливающих ситуацию, превышает технические и экономические возможности экспериментатора. Усилия по проведению эксперимента “в полном объеме” сопоставимы с обеспечением тех самых социальных изменений, возможность которых изучается в эксперименте.

Различия социального и естественно-научного эксперимента можно выделять и далее³, и это будет лишь подчеркивать невозможность полной технологизации социального знания. Но нельзя ли обратить этот кажущийся недостаток социального эксперимента в достоинство? Например, можно, отладив уникальную методику *case studies* и познакомив с ней наблюдаемый объект (группу или индивида), перевести наблюдаемый объект в статус наблюдателя-экспериментатора-проектировщика и побудить его тиражировать используемую методику. Напомню, что именно на это нацелены многочисленные психотренинги, психотерапевтические практики, в ходе которых будущий психотерапевт проходит курс личной и групповой психотерапии. Студенты-социологи первыми становятся респондентами социологических опросов. Нельзя стать хорошим офицером, начальником цеха или прорабом, если не отслужил рядовым солдатом или не поработал рабочим.

Трансформация эксперимента в технологию

Весьма репрезентативный пример касается реформы университетского образования в США в послевоенные годы и ее следствий для внешней политики. Здесь история начинается в стенах одного из наиболее престижных университетов США – Гарварда, а главным героем выступает Д. Конант – химик, деятель образования и высокопоставленный государственный чиновник в одном лице. Наибольшую известность он завоевал на посту президента Гарварда, который под его руководством обрел характер научно-исследовательского центра. Основной смысл реформы состоял в гуманитаризации

³ См., например, [Ельмеев, Овсянников, 1994]. Авторы в сущности признают социальный эксперимент видом социальной технологии, хотя и полагают, что это относится только к малым социальным группам (см. также [Кэмпбелл, 1980; Мешков, 1996; Практикум... 1992; Пригожин, 1995; Хагуров, 1991]).

образования, для чего Конант разработал и читал курс истории науки [Conant, 1952]. В дальнейшем эта программа распространилась и на все высшее образование в США, а Конант вместе с Р. Карнапом обеспечивал ее целой серией философско-междисциплинарных исследований. Одной из последних книг этой серии стала “Структура научных революций” Т. Куна. Карьера Конанта привела его в Германию в качестве верховного комиссара и затем посла США, где один из важнейших моментов его работы состоял в реформировании образовательной системы [Conant, 1948; 1959; 1963], что в свою очередь внесло существенный вклад в денацификацию. Опыт Конанта как типичного социального технолога [Conant, 1970] оказался востребован в эпоху холодной войны. Это была война двух информационных армий, основанных, в свою очередь, на двух разных образовательных системах. Спутник запустили в СССР, но информационную войну выиграли США.

Задача и СССР, и США состояла в усилении влияния, в первую очередь в “третьем мире” и странах социалистического лагеря. Инструментом такого влияния стали не только СМИ, но и вовлечение иностранных студентов в свою систему образования. Вкратце, отличия стратегий США и СССР состояло в следующем: выбирались разные целевые группы и использовались разные образовательные тактики. США нацелились на представителей действующей политической элиты, которые массово приглашались в Штаты на кратковременное обучение, ограниченное социально-гуманитарными дисциплинами. Можно сказать, что в основном их знакомили с американским образом жизни и мышления, внушали соответствующую идеологию. СССР ориентировалась в большей степени на выдвиженцев из компартий и рабочих, причем при условии их подходящего (рабоче-крестьянского) происхождения. Им предлагалось фундаментальное университетское образование, отчего и охват слушателей был значительно уже. При этом значительная часть студентов учились на естественно-научных и технических факультетах, которые были плохими проводниками советской идеологии. Итог можно назвать естественным. До 80% бывших американских студентов заняли ведущие позиции в правительствах и парламентах стран Африки, Азии и Латинской Америки, в немалой степени это коснулось и стран народной демократии. Бывшие же советские студенты, как правило, не сделали большой политической или хозяйственной карьеры и только в редких случаях смены правящего режима приходили к власти.

К концу 1980-х гг. идеология социализма окончательно уступила идеологии капитализма на всем пространстве Восточной Европы и в большинстве стран “третьего мира”, не говоря уже о Западной Европе. Важно подчеркнуть, что не только и не столько экономическая модель социализма потерпела крах (у нее были очевидные возможности для реформирования и развития). Победа в холодной войне стала в большей степени результатом образовательных, идеологических, информационных технологий. Есть основания утверждать, что в их основе лежали не только опыт, политическая интуиция и интересы. Они создавались благодаря ряду влиятельных социально-гуманитарных теорий, доказавших свою прикладную эффективность.

В развитии СТ, о чем было сказано выше, роль научного знания столь же велика, как и при построении промышленных (естественно-научных) технологий. Вообще всякое тиражирование экспериментальных результатов и методов для создания СТ с необходимостью предполагает посредствующее звено – обобщение и теоретизацию. На пути социально-политической концептуализации опыта и способов управления обществом и корпорациями наиболее продвинулись англо-американские авторы. Они создали ряд соответствующих теорий, в дальнейшем положенных в основу современных технологий внутренней и внешней политики. Прежде всего назову теорию строительства нации [Nationbuilding, 1963; Formation... 1975; Anderson, 1994; Gellner, 1990; Brubaker, 1996] (разрабатывали К. Дойч, А. Бенедикт, Р. Брубейкер, Ч. Тилли, Э. Геллнер и др.), теорию элит (создавалась еще в начале XX в. усилиями В. Парето, а в последние десятилетия развивалась Р. Патнемом, Т. Даем и др. [Pareto, 1935; Wright, 1956; Putnam, 1976; Dye, 2001]), теорию этнических конфликтов (Д. Горовиц, М. Глюкман, А. Липхарт, С. Вольф и др. [Horowitz, 1985; 1990; Lijphart, 2002; Wolff,

2003]), различные концепции конфликта цивилизаций (С. Хантингтон, Р. Каплан, З. Бжезинский и др.). Концептуальную новацию и связанную с ней теорию “мягкой силы” предложил Дж. Най, а затем ее подхватили многие исследователи [Kroenig, McAdam, Weber, 2010; Nye, 1990; 2004]. Наконец, концепция информационных войн – одна из новейших разработок, оказавшая значительное влияние на международную политику [Waltz, 1998; Arquilla, Ronfeldt, 2001; Ventre, 2009].

Все они были использованы при конструировании американских СТ установления контроля за странами бывших союзников России в рамках как СССР, Восточной Европы, так и стран Азии, Африки и Латинской Америки. Сегодня есть основания констатировать, что Россия проиграла борьбу за свои традиционные сферы геополитического влияния. В этом проявляются теоретические и практические недостатки применяемых ею СТ в области международного научно-технического сотрудничества, образования и подготовки кадров⁴. Именно США удалось наладить систему тиражирования экспериментальных ситуаций вовлечения представителей политических и научно-технических элит бывших социалистических и развивающихся стран в сферу своего культурного влияния. Это было сделано благодаря не столько большому объему финансовых средств, сколько более адекватным теоретическим основам используемых социальных технологий.

Еще один пример преобразования социального эксперимента в СТ можно получить при сопоставлении двух известных событий. Это Принстонский тюремный эксперимент (1971), проведенный американским психологом Ф. Зимбардо, и скандал в американской военной тюрьме в Абу Грейб (2004)⁵.

Психологический эксперимент в стенах одного из старейших и наиболее элитных американских университетов был призван изучить влияние навязанной социальной роли на поведение и проводился на добровольцах в условиях искусственно сконструированной тюрьмы, где часть испытуемых играла роль тюремщиков, а часть – заключенных. Результатом стало то, что у “тюремщиков”, которые начали пользоваться своим положением, стала развиваться немотивированная агрессия. Ситуация грозила вырваться из-под контроля, что привело к преждевременному завершению эксперимента⁶. Гипотеза, которую должен был подтвердить эксперимент, состояла в том, что люди проявляют восприимчивость и покорность в условиях власти идеологии, поддержанной обществом и государством. Они демонстрируют склонность к когнитивному диссонансу и подпадают под власть авторитета. Их поведение в большей мере зависит от ситуации, а не от личностных качеств – с помощью ситуации можно сконструировать поведение.

Через 33 года случилось событие, которое удивительным образом дало не только подтверждение гипотезы Зимбардо, но и позволило говорить, что его эксперимент фактически оказался идеальной моделью реально существующих тюремных практик. С определенными допущениями можно отважиться и на более рискованное заключение: данный эксперимент послужил идеальной моделью тюремных технологий, направленных на создание психологически угнетающей атмосферы для заключенных в конкретном исправительном учреждении. Речь идет об известном скандале в тюрьме Абу Грейб (недалеко от Багдада), где американские военные издевались над заключенными-иракцами, стремясь добиться сведений по поводу местонахождения Саддама Хусейна и гипотетического ядерного оружия. Причем делалось это, согласно судебным показаниям тюремщиков, по заданию военной разведки, требовавшей сломить волю заключенных и обеспечить тем самым наиболее благоприятные условия допроса. Едва ли можно объяснить простой случайностью то обстоятельство, что

⁴ Подробнее об этом см. [Цветкова, 2006] и библиографию при ней.

⁵ См. [Zimbardo, 2007]. Замечу, что мы не имеем возможности всерьез анализировать аналогичные ситуации в нашем обществе из-за отсутствия не только подобных социальных экспериментов, но и такого рода открытости при обсуждении негативных социальных явлений.

⁶ Этот эксперимент принадлежит к классическому фонду социально-психологической науки, хотя его нередко упрекают в ненаучности и нарушении моральных норм.

Зимбардо был включен в команду экспертов, обеспечивавших защиту тюремщиков на суде. Так или иначе, но он, получив доступ ко всем материалам дела, свидетельствует о существенных чертах сходства между экспериментальной и реальной ситуациями. А если ознакомиться с методиками ЦРУ по ведению допроса (см. [Cohn, Thompson, Matthews, 1997]), то возникает возможность проследить цепочку от психологических теорий и экспериментов к построению СТ, далеко выходящих за пределы науки и всякой законной практики. Попытки, таким образом, при определенных условиях могут приобрести форму СТ, концептуальные основы которой обнаруживаются в рискованных социальных экспериментах.

* * *

В построении СТ исходный пункт – выбор теоретических концептуализаций и эмпирических данных. Это позволяет построить гипотезу по поводу природы некоторого социального феномена. Данная гипотеза может быть проверена с помощью социального эксперимента, который также позволяет ее скорректировать, если вообще имеется возможность ее сохранить. Однако уже на этой стадии собственно научного исследования выясняется, что систематическое описание социального эксперимента выступает как социальное проектирование, социальное конструирование. На этом этапе при посредстве проектно-программного анализа определяются первые, пока еще случайные и побочные результаты эксперимента, релевантные для решения социальных проблем, и тем самым выясняется возможность формулировки цели будущей СТ. Последующее обобщение схемы эксперимента по типу семейных сходств, экспертиза и коррекция позволяют ее тиражировать в более широком масштабе, для социально-технологического применения. Постоянно сопровождающая СТ экспертиза и теоретический анализ результатов уточняют ее пространственно-временные координаты и содержательные параметры. Таким образом, СТ органически вырастает из научной деятельности, если на определенном этапе ставится вопрос о ее прикладных перспективах. Известны условия, при которых такой вопрос возникает закономерно. Так происходит, если процесс социального познания осуществляется в междисциплинарной коммуникации самих ученых, а также социальных практиков-управленцев, предпринимателей и политиков в рамках согласованной картины мира, но это уже тема отдельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ансофф И.Н.* Стратегическое управление. М., 1989.
Антонюк Г.И. Социальное проектирование. Минск, 1978.
Гласс Дж., Стэнли Дж. Статистические методы в педагогике и психологии. М., 1976.
Готтсданкер Р. Основы психологического эксперимента. М., 1982.
Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург, 1998.
Дружинин Н.К. Выборочное наблюдение и эксперимент. М., 1977.
Ельмеев В.Я., Овсянников В.Г. Прикладная социология. Очерки методологии. СПб., 1994.
Иванов В.Н., Патрушев В.И. Социальные технологии. М., 1999.
Иконникова Г.И. О понятии социальной технологии // *Философские науки.* 1984. № 5.
Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. М., 1980.
Маркович Д. Социология труда. М., 1988.
Мескон Л.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М., 1992.
Мешков А.А. Основные направления исследования инновации в американской социологии // *СОЦИС.* 1996. № 5.
Монден Я. “Тоэта”. Методы эффективного управления. М., 1989.
Основы социальных технологий. В 2 ч. Белгород, 1992.
Подмарков В.Г. Человек в трудовом коллективе. Проблемы социологии труда. М., 1989.
Практикум по прикладной социологии. М., 1992.
Пригожин А.И. Современная социология организаций. М., 1995.

- Стародубцев С.П.* Оценочные исследования: первое знакомство // СОЦИС. 1992. № 7.
- Стефанов Н.* Общественные науки и социальная технология. М., 1976.
- Фуко М.* Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.
- Хагуров А.А.* Социальный эксперимент. Ростов-н/Д., 1991.
- Цветкова Н.А.* Cultural imperialism: международная образовательная политика США в годы “холодной войны”. СПб., 2006.
- Чавес М.С., Кулей Х.В.* Социальная наука и социальная технология // Общественные науки и современность. 1992. № 6.
- Щедровицкий Г.П.* Мышление. Понимание. Рефлексия. М., 2005.
- Щедровицкий Г.П.* ОРУ (1). Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология. Курс лекций // Из архива Г.П. Щедровицкого. Т. 4. М., 2000.
- Ядов В.А.* Социологическое исследование: методология, программа, методы. М., 1987.
- Anderson B.* Imagined Communities. London, 1994.
- Arquilla J., Ronfeldt D.* Networks and Netwars: the Future of Terror, Crime, and Militancy. RAND, 2001.
- Brubaker R.* Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge, 1996.
- Cohn G., Thompson G., Matthews M.* Torture was Taught by CIA // Baltimore Sun. January 27, 1997.
- Conant J.B.* Education in a Divided World: the Function of The Public Schools in Our Unique Society. Cambridge (Mass.), 1948.
- Conant J.B.* The American High School Today: a First Report to Interested Citizens. New York, 1959.
- Conant J.B.* The Education of American Teachers. New York, 1963.
- Conant J.B.* Modern Science and Modern Man. New York, 1952.
- Conant J.B.* My Several Lives: Memoirs of A Social Inventor. New York, 1970.
- Dye Th.* Top-Down Policymaking. New York–London, 2001.
- Gellner E.* Nations and Nationalism. Oxford, 1990.
- Helmer O., Brown B., Gordon Th.* Social Technology. New York, 1966.
- Horowitz D.L.* Ethnic Conflict Management for Policymakers // Conflict and Peacemaking in Multiethnic Societies. Lexington (Mass.), 1990.
- Horowitz D.L.* Ethnic Groups in Conflict. Berkeley (Call), 1985.
- Kroenig M., McAdam M., Weber S.* Taking Soft Power Seriously // Comparative Strategy 29. November 2010. No. 5.
- Li Ch., Bernoff J.* Groundswell. Boston, 2008.
- Lijphart A.* The Wave of Power Sharing Democracy // The Architecture of Democracy: Constitutional Design, Conflict Management and Democracy. Oxford, 2002.
- Nationbuilding. New York, 1963.
- Nye J.* Bound To Lead: the Changing Nature of American Power. New York, 1990.
- Nye N.* Soft Power: the Means to Succeed in World Politics. New York, 2004.
- Pareto V.* The Mind and Society (Trattato Di Sociologia Generale). Harcourt, 1935.
- Popper K.* The Poverty of Historicism. London, 1944.
- Putnam R.D.* The Comparative Study of Political Elites. New Jersey, 1976.
- The Formation of National States in Europe. Princeton, 1975.
- Ventre D.* Information Warfare. Wiley – ISTE. 2009.
- Waltz E.* Information Warfare Principles and Operations. Artech House, 1998.
- Wolff S.* Disputed Territories: the Transnational Dynamics of Ethnic Conflict Settlement. New York–Oxford, 2003.
- Wright M.C.* The Power Elite. Oxford, 1956.
- Zimbardo P.G.* The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn Evil. New York, 2007.